

УРБАНИЗАЦИЯ В ПАКИСТАНЕ - ОТ МОДЕРНИЗАЦИИ К АГЛОМЕРАЦИИ

© 2018 В. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ

Автор выделяет две фазы урбанизации: модернизационную и агломерационную. Первая определяется преобразованием городской системы из традиционной в современную, вторая - агломерацией, скоплением людей в городах. Оба фактора в идеале действуют параллельно. В основе реального разделения урбанизационного процесса в Пакистане на две стадии лежит, прежде всего, быстрый демографический рост. Модернизационная компонента на агломерационной стадии сохраняется, но отступает на второй план. Характеризуя перенасыщение городов и городской периферии и общее уплотнение, скученность населения, автор подчеркивает сложность социальных, экономических, экологических проблем, стоящих перед обществом и государством.

Ключевые слова: Пакистан, урбанизация, модернизация, агломерация, бедность, безработица, экология

URBANIZATION IN PAKISTAN - FROM MODERNIZATION TO AGGLOMERATION

Vyacheslav Ya. BELOKRENITSKY, Dr.Sc. (History), Professor; Head, Center for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; member, Editorial Board, "Aziya i Afrika segodnya" journal (enitsky@yandex.ru)

The author singles out two phases of urbanization linked to modernization and agglomeration. The first phase covers the transformation of a traditional urban system into a modern one, while the second is characterized primarily by the agglomeration of people in cities and towns. Both factors in an ideal case act simultaneously. In the reality of urbanization in Pakistan the division into two stages is predetermined first of all by the high demographic growth. Modernization remains a factor at the phase of agglomerative urbanization but takes the back seat. While characterizing density of population in cities and urban periphery and growing overall overcrowding in Pakistan, the author underlines a complex nature of social, economic and ecological problems faced by the society and the state.

Among particular problems identified by the author are wide-spread and growing poverty (more than third of urban population), the predominance of informal sector in the structure of employment in manufacturing, construction, trade and services, the criminality, insecurity for urban dwellers and inconveniences for them caused by politically motivated mass gatherings and sit-in strikes. Urban areas, especially megacities like Karachi, Lahore, Islamabad-Rawalpindi, suffer from congestion in central quarters and in periphery, from shortage of public transport, breaks in electricity and water supply, lack of modern sanitation, dirtiness in the streets and heavy smog. The author stresses the inadequacy of government efforts to solve various problems stemming from urbanization, touches upon the issue of climate warming and its possible disastrous consequences for some Pakistani cities and towns. In conclusion, he reveals the importance of Pakistan's experience in relation to agglomerative urbanization for the nations of South Asia as well as other overpopulated regions of Asia and Africa.

Keywords: Pakistan, urbanization, modernization, agglomeration, poverty, unemployment, ecology

Известно, что в современную эпоху социальное пространство все в большей степени становится городским, урбанистическим, причем во многом за счет менее развитых регионов. Это придает мировой урбанизации особые черты, выдвигающие на передний план не столько достижения, сколько трудноразрешимые проблемы.

Урбанизация в Пакистане может служить ярким примером городского роста, отягощенного такого рода проблемами. При этом она не исключение для аналогичных процессов в Южной Азии и ряде других азиатских и африканских ареалов.

УРБАНИЗАЦИЯ КАК МОДЕРНИЗАЦИЯ

В истории урбанизации Пакистана можно выделить два протяженных периода. Первый из них, начавшийся с момента создания страны, продолжался, по нашему мнению, вплоть до 1970-х - 1980-х гг. Это был этап своего рода клас-

сической урбанизации, зародившейся еще в колониальное время и достигшей относительно зрелых форм уже в период между мировыми войнами XX века.

В основе процесса лежало развитие современной по тем меркам крупной промышленности в городах или в непосредственной близости от них. Индустриализация носила трудоемкий характер. Вокруг предприятий обрабатывающей промышленности и транспорта, в основном железнодорожного, складывались рабочие поселки. Рабочая сила пополнялась за счет мигрантов из деревень, где условия жизни, вследствие низкой производи-

БЕЛОКРЕНИЦКИЙ Вячеслав Яковлевич, д.и.н., профессор, член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня». зав. Центром, Институт востоковедения РАН. РФ, 107031, ул. Рождественка, 12 (enitsky@yandex.ru)

тельности труда в сельском хозяйстве, были для низов неизмеримо хуже, чем в городах.

В период между войнами, в существенной степени под влиянием рабочего движения в Европе и социалистической революции в России, колониальные власти Индии приняли ряд законов, которые регулировали условия труда на промышленных предприятиях и увеличили возможности отстаивать интересы наемных работников. Наибольшее значение среди них имели закон (акт) 1926 г. о тред-юнионах и фабричный закон 1934 г.

По мнению Карамата Али, председателя действующего ныне в Карачи на общественных началах Пакистанского института образования рабочих и изучения проблем труда, положение, созданное актами колониального времени, было в значительной мере ухудшено законами, принятыми в Пакистане при правительстве М.Айюб Хана в 1960-х гг. [1]. После короткого подъема рабочего движения в первые месяцы пребывания на посту президента страны З.А.Бхутто (зима-весна 1972 г.) наступил спад, вызванный антизабастовочными действиями властей. При военном режиме М.Зия уль-Хака (1977-1988) по рабочему движению был нанесен сильнейший удар, оправиться от которого оно не смогло до сих пор. Одновременно ощутимый урон понесла вся сфера крупного современного предпринимательства, оказавшаяся «под каблуком» военно-бюрократического аппарата.

Итак, пакистанскую городскую систему на первом этапе отличало модернизационное, индустриальное начало, выражавшееся в наличии в черте города и на его непосредственной периферии рабочих поселков и кварталов для занятых в промышленности. Хотя индустрия во многом формировала «лицо» урбанизации, она не была единственной градообразующей функцией городов. Сфера услуг, особенно государственных, административно-политических (в т.ч. военно-административных) в немалой степени также определяла их предназначение. В то же время города, базируясь на двух этих «столпах», четко обособлялись от деревни, где основным родом занятий было сельское хозяйство, по преимуществу, земледелие, а в горных и пустынных регионах - скотоводство.

Связующим звеном между городом и деревней были торговля и финансовая сфера. Они обеспечивали основу для существования т.н. внутренних городов среднего и малого размера. Вплоть до 1970-х гг. большинство горожан проживало в населенных пунктах этой категории [2]. К крупным по международным стандартам городам, с числом жителей более полумиллиона, относились только

два центра - город-порт Карачи и Лахор, главный центр крупнейшей и политически наиболее значимой провинции Панджаб*.

УРБАНИЗАЦИЯ КАК АГЛОМЕРАЦИЯ

Наблюдаемое с 1970-х гг. замедление темпов роста крупной частной промышленности и всего современного городского сектора экономики главным образом и обусловило смену парадигмы процесса урбанизации. Вместо модернизации на первый план вышла агломерация, т.е. скопление людей в крупных городах и поблизости от них. Опубликованные за последнее время исследования по пакистанской урбанизации широко используют понятие городской периферии, промежуточной между городскими и сельскими районами. Определяется эта зона с помощью предложенного в 2009 г. «индекса агломерации», который опирается на параметры плотности населения и расстояния до большого города. К периферийным, согласно этому индексу, отнесены поселения с плотностью жителей в 150 человек на кв. км, расположенные в 1-3 часах пути от города-полумиллионника. Городскими, согласно тому же индексу, признаются населенные пункты с плотностью жителей свыше 1000 человек на кв. км [3].

Использование этой классификации для представлений об этапах урбанизации дает следующую картину. В 1965 г. в городах проживало всего 6,4% населения страны (это суммарное число жителей Карачи и Лахора), еще 20% проживало на городской периферии, а 74% - в сельской местности.

С наступлением второй стадии урбанизации ситуация кардинально изменилась. По расчетам на 1994 г., доля горожан выросла до 26%, пропорция периферийно-городского населения увеличилась до 40%, а сельского - упала до 34%. Оценки по той же методике для 2010 г. демонстрируют усиление выявленной тенденции - в городах сосредоточена уже почти треть населения (32%), в промежуточной зоне проживает 38%, а в сельских районах - 30% [3, pp. 6-7]. В итоге, за полвека городское население увеличилось с 15-й части до трети, полугородское - с 5-й части до 3/5, а деревенское - сократилось с 3/4 до менее трети.

Переход от одной фазы урбанизации к другой объясняется, помимо упомянутого выше фактора «пробуксовки» индустриализации, другими причинами, в первую очередь, демографическим взрывом, «зеленой революцией» и трудовой миграцией за рубеж. Попробуем вкратце охарактеризовать эти явления и их влияние на урбанизацию.

* Пакистан состоит из четырех провинций - центрального, смещенного к северо-востоку Панджаба (более половины жителей); Синда, «подпирающего» Панджаб с юга; Белуджистана, самой большой провинции по площади и незначительной по населению, расположенной к западу от Синда; и Хайбер-Пахтунхва, бывшей Северо-Западной пограничной провинции, находящейся к северу от Белуджистана и к западу от Панджаба (прим. авт.).

С 1970-х гг. начался бурный рост населения, вызванный вторым демографическим бумом (первый пришелся на начало 1950-х гг. после переселения в страну мигрантов из Индии и стабилизации обстановки в новой стране). Серьезную лепту в демографический взлет внесло расширение ареала ирригационного земледелия, ставшее возможным благодаря заключенному в 1960 г. под эгидой МБРР соглашению о разделе вод бассейна р. Инд между Пакистаном и Индией и осуществлению в Пакистане предусмотренных соглашением гидроэнергетических проектов (в частности, сооружению крупных земляных плотин Мангла и Тарбела).

Базирующаяся на фундаменте орошаемого земледелия «зеленая революция» носила, в основном, землесберегающий характер, однако включала и элементы трудосбережения, связанные с механизацией отдельных операций, использованием тракторов и другой техники [4]. Люди, оказавшиеся в результате этого «лишними», стали перебираться из деревень в города.

Причем в категорию избыточного населения попадали, в основном, две категории - безземельные крестьяне, подёнщики-батраки, с одной стороны, и ремесленники, изготовители традиционного сельскохозяйственного инвентаря, с другой. Зачастую одни и те же деревенские жители занимались и ремеслом, и подённой работой в период страды, оставаясь в категории лиц с низким уровнем дохода. Переезжая в города, они пополняли ряды бедного безработного люда. Наличие определенных навыков промышленного труда давало ремесленникам некоторые преимущества при поиске работы. В целом, миграция усиливала тенденцию снижения реальных заработков занятых в городской экономике.

С середины 1970-х гг. после 4-кратного повышения мировых цен на нефть богатые петродолларами страны Персидского залива и Аравии превратились в «эльдorado» для трудовых мигрантов из Пакистана и многих других государств Азии. Резко возросшая вследствие этого миграция за рубеж (популярным в Пакистане становится не лишенный юмора призыв «Дубай чало» - «Едем в Дубай»), изменила направленность миграционных потоков.

Место внутренней миграции в известной мере занял выезд за границу, обычно временный с переводом денег домой. Трудовая миграция, устремленная за пределы страны, охватила не только малоквалифицированных сельских жителей, но и обученный пролетариат. Отъезд квалифицированных рабочих, в т.ч. организаторов и участников забастовок, вызвал дефицит кадров и ослабил профсоюзы. Вкупе с сохраняющейся сельско-городской миграцией это способствовало распространению худших форм эксплуатации в

рамках т.н. неформального или неорганизованного сектора.

РОСТ БЕДНОСТИ В ГОРОДАХ

Согласно социологическим обследованиям статистического бюро Пакистана, доля городской бедноты в 1987/1988 г. составляла 19%, к 1996/1997 г. она повысилась до 25%, в 2000/2001 г. возросла до 30%, а в 2010/2011 и 2011/2012 гг. достигла, соответственно, 34 и 35% [5]. Черта бедности при этом определялась величиной расходов. В 2011/2012 г. верхняя граница бедного населения определялась в 2 606 рупий* в месяц на человека (3 054 рупии на взрослого члена семьи). Наиболее бедным было городское население Белуджистана - 48% ниже границы бедности, в провинции Хайбер-Пахтунхва этот показатель равнялся 40%, в Синде - 36, а в Панджабе - 34%.

Согласно индексам множественной депривации, рассчитанным на 1998 и 2005 гг., в середине 2000-х гг. наблюдалось едва заметное улучшение, по сравнению с концом 1990-х. И доля лиц, страдающих от лишений разного рода, за этот период изменилась ненамного, составляя в Мултане примерно 55% общего числа горожан, в Равалпинди - свыше 40%, в Лахоре - около 30% [6].

Причины различий в масштабах бедности между крупными городами Пакистана многообразны. К ним относятся и уровень экономического развития (Мултан - главный город наиболее отсталой, южной части провинции Панджаб), и надежда на получение высокого одноразового заработка (в случае с военно-столичной агломерацией Равалпинди - Исламабад), и охват городской чертой большей или меньшей части периферийных районов. При этом в самом бедственном положении среди горожан оказываются жители малых и сверхмалых городов (менее 50 тыс. и 20 тыс. человек). В соответствии с обследованием домохозяйств 2011/2012 г., удельный вес бедного населения в малых городах равнялся 43%, в больших (свыше полумиллиона жителей) - 37, а в столичных центрах - 26% [5, р. 31].

РАСШИРЕНИЕ НЕФОРМАЛЬНОГО СЕКТОРА

Главный непосредственный фактор бедности - безработица, отсутствие возможностей для хорошо оплачиваемой работы, которую чаще всего может предоставить лишь организованный или формальный сектор экономики. К нему относятся государственные учреждения и предприятия, а также частные компании и заведения, охваченные государственной регистрацией и подлежащие кон-

* 100 рупий на тот период - примерно \$1.

тролю со стороны налоговых и надзорных ведомств. Между тем, в формальном секторе занято меньшинство городской рабочей силы. При этом явной безработицей (поисками работы), по данным, относящимся к Панджабу середины 2010-х гг., охвачено 8-12% трудоспособных горожан [6, р. 268].

Заметим, что удельный вес неформального сектора в XXI в. не только не сокращался, но, напротив, заметно возрастал. В 2001/2002 г. неформальная занятость составляла две трети общей городской занятости, а к 2013/2014 г. увеличилась до почти трех четвертей. Среди мужчин она увеличилась за 12 лет с 61 до 71%.

Авторы обзора социального развития страны полагают, что такой рост в немалой степени объясняется стремлением крупного бизнеса избежать налогообложения и понизить расходы, связанные с широко распространенной коррупцией и рисками для безопасности, которые повышаются при анонсировании размеров операций. Наблюдается, таким образом, уход крупного капитала в «тень», его мимикрия под малое предпринимательство [5, р. 34].

Согласно обследованию пакистанской рабочей силы за 2013/2014 г., в неформальном секторе промышленности трудился каждый третий из пяти занятых. В строительстве доля такого рода занятых была почти абсолютной (93%). На транспорте также преобладал неформальный сегмент (свыше четырех пятых занятых). Ничего удивительного не было и в том, что в городской торговле, даже с учетом оптовой, на организованный сектор приходилось всего 3% занятых. И только в сфере медицинских услуг на зарегистрированные частные фирмы приходилось две трети работников [9, pp. 34, 36].

Ближе всего к общепакистанским показателям были данные по Панджабу, а наиболее отличались - по Синду, где неформальная занятость в промышленности, например, уступала формальной, равняясь 47%. Наблюдалось это, несомненно, вследствие особой ситуации в Карачи, где традиционно сосредоточено большое число крупных фабрично-заводских предприятий, а также из-за доминирующего положения этого мегаполиса в городском секторе Синда.

Стоит заметить, что мелкое производство обладает большой эластичностью в условиях городской перенаселенности. Оно дает занятость малообеспеченным, обездоленным людям и предоставляет им товары и услуги, соответствующие их материальным возможностям. Без такого рода предпринимательства, которое, как правило, не имеет никаких перспектив перерасти заданные условиями специфического рынка ограниченные рамки, трудно было бы представить способы существования для скопившихся в городах масс. Мелкие и

мельчайшие заведения традиционного и полутрадиционного типа остаются основой «экономики выживания» (*subsistence economy*).

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ОБСТАНОВКИ В ГОРОДАХ

По мере усиления скученности в городах и расширения трущобной урбанизации осложнялась криминогенная обстановка. Пики насилия в городах пришлись на 1986, 1988, 1990/1991 и 1996/1997 гг. После установления власти военных в 1999 г. произошла известная стабилизация, но с 2007 г. после кризиса, в который попал режим генерала-президента П.Мушаррафа, проживать в крупных городах вновь стало крайне небезопасно.

Особенно круто ситуация изменилась в Карачи, куда после 2009-2011 гг. под давлением антитеррористических действий армии из горных пуштунских районов на границе с Афганистаном переместилась часть афганских и пакистанских талибов. Они вступили в ожесточенную борьбу с давно обосновавшимися в городе мафиозными организациями за контроль над ресурсами - земельной собственностью, другой недвижимостью, сбытом наркотиков и т.п.

Кровавые разборки преступных групп, от которых гибли не только их участники, но и случайные прохожие, среди них женщины и дети, происходили, по существу, каждый день. Число убитых в городе увеличилось с 1083 человек в 2010 г. до 2192 - в 2012 г. В первой половине 2013 г. накануне всеобщих выборов, проведению которых талибы стремились помешать, погибло, в среднем 6 человек, а в отдельные дни - до 15. Резко возросло и число других преступлений - разбойных нападений, краж, похищения людей [7].

После выборов в мае 2013 г. новое правительство во главе с Навазом Шарифом приняло меры для борьбы с разгулом преступности в Карачи. Они были поддержаны администрацией провинции Синд. В город были введены армейские части и нерегулярные войска (рейнджеры), входящие в состав сил МВД, но подчиняющиеся приказам армии.

В течение нескольких месяцев шла активная фаза операции по зачистке городских кварталов, где укрывались преступники. Лидеры ряда мафиозных групп, в т.ч. связанные с некоторыми парламентскими партиями, были арестованы и преданы суду. Действия властей сопровождалось протестами ряда влиятельных партий, в первую очередь «Муттахида кауми мувмент» («Объединенного национального движения»), опирающегося на поддержку большей части *мухаджиров*, общины говорящих на государственном языке урду переселенцев из Индии после раздела 1947 г. и их потомков. Но в результате совместных усилий

гражданских и военных властей число преступлений заметно сократилось, в городе установилась относительная безопасность, хотя корни его проблем остались, по существу, незатронутыми.

Террор охватил также Кветту - главный город провинции Белуджистан, который приобрел известность как неофициальная штаб-квартира афганских талибов. Гибельные эксцессы объяснялись чаще всего междоусобными стычками и действиями пакистанских спецслужб. Еще одна причина - атаки боевых организаций суннитов-исламистов на хазарейцев, шиитов, выходцев из Афганистана. Расправа над ними, покушения на собственность, взрывы в мечетях вызывали в стране волну негодования.

Но лишь после дерзкой атаки в декабре 2014 г. группы боевиков на школу в Пешаваре, где учились дети военных (погибли более 150 учащихся), власти приняли антитеррористический план действий, а парламент внес в конституцию поправку, согласно которой временно учреждались военные суды для оперативного принятия решений по делам о преступлениях и терроре [8].

РАДИКАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ И ДВИЖЕНИЙ

На волне исламизации, прокатившейся по стране в 1970-х - 1980-х гг., пакистанские города превратились в рассадник радикально-консервативных, исламистских настроений. Если на первой стадии урбанизации городскую культуру Пакистана отличало наличие синкретических черт, роднящих ее с индийской, то на второй фазе она заметно изменилась, освободившись по большей части от присущих ей ранее смешанных элементов.

Более однородное, по преимуществу исламское и исламистское (религиозное и религиозно-идеологическое) содержание городской культуры свидетельствовало о серьезном сдвиге в сторону господствующей религии и выступающих под ее знаменем общественных и политических сил.

В 1984 и 1986 гг., в период правления генерала-исламиста М.Зия уль-Хака, был ужесточен Закон о богохульстве, введены наказания за его нарушение в виде пожизненного заключения и смертной казни. Под действие Закона попадали как немусульмане, в первую очередь - христиане, так и мусульмане. В мусульманской среде обострились противоречия и конфликты между суннитами и шиитами, между представителями двух главных направлений в суннизме - богословскими школами деобанди и барелви, к которым добавились пользующиеся поддержкой Саудовской Аравии салафиты [9].

Действия проповеднических и религиозных организаций протекают в крупнейших городах

или в непосредственной близости от них. Ежегодные конгрегации радикально-просветительской «Таблиг-е джамаат» («Общество призыва», кстати, запрещенное в России) в местечке Муридке близ Лахора собирали и собирают от 1 до 2 млн человек. Города Панджаба служат главным духовным центром многих течений и направлений в исламизме. Они, также как и Карачи, являются ареной борьбы соперничающих группировок и сведения личных счетов.

Неблагополучная ситуация с безопасностью в крупных городах сочетается с усилением там в последнее время массовых акций, нарушающих повседневную жизнь. Серьезную дестабилизацию вызвали, в частности, охватившие Лахор и Исламабад летом-осенью 2014 г. выступления сторонников суннитского проповедника Тахира уль-Кадри. Они были активно поддержаны лидером крупной парламентской партии «Техрик-е инсаф» («Движение за справедливость») Имраном Ханом, требовавшим отмены выборов из-за допущенных подтасовок. Продолжавшееся несколько месяцев блокирование правительственных зданий, помимо политической угрозы, создавало массу неудобств горожанам.

К столь же неблагоприятным последствиям привела в ноябре 2017 г. сидячая забастовка сторонников другого суннитского богослова Хадима Ризви. Демонстранты перекрыли транспортную магистраль, соединяющую Исламабад с Равалпинди, и во многом парализовали деятельность столичной агломерации. После неудачной попытки разгона кабинет министров согласился на выполнение всех требований участников акции.

Капитуляция властей произошла на фоне массового недовольства пакистанцев, сталкивающихся с многочисленными неудобствами в своей повседневной жизни. К ним надо отнести регулярно происходящие перебои с подачей электричества и снабжением водой, переполненным и работающим не по расписанию общественным транспортом, неупорядоченностью движения на городских дорогах, засоренностью улиц мусором, открытой канализацией, антисанитарией [10].

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ УРБАНИЗАЦИИ

Надо подчеркнуть, что пакистанское государство на всем протяжении своей истории уделяло мало внимания проблемам городов и процессу урбанизации. В пятилетних планах экономического развития, которые принимались с середины 1950-х гг., эти вопросы не выделялись в качестве самостоятельных. В структуре федерального правительства они отнесены сегодня в ведение министерства планирования, развития и реформ. На провинциальном уровне в рамках министерств

того же профиля функционируют директораты городского планирования и городской политики. Еще одна ступень управления - муниципальные корпорации в крупных городах и соответствующие им органы в городах поменьше.

В отношении 10 наиболее крупных городов приняты на этом уровне планы перспективного развития. Ситуация с вмешательством федеральных органов в эволюцию городской системы стала меняться, может быть, лишь в самое последнее время, да и то больше на бюрократическом и декларативном уровнях [11].

Реальные действия пакистанских властей представляются явно недостаточными. Накопившиеся проблемы трудно будет решать в создавшихся неблагоприятных со многих точек зрения условиях. Помимо стремительного демографического роста, быстро ухудшается экологическая ситуация в городах вследствие увеличения механических средств транспорта, хаотического движения на дорогах, загрязнения воздуха, отсутствия налаженной системы вывоза и уничтожения мусора.

Нужно иметь в виду, что современные городские услуги оказываются недоступными большинству горожан. В ряде крупных городов только 55-60% жителей имеют доступ к безопасной, обеззараженной воде. На протяжении многих последних лет в Пакистане наблюдается хроническая нехватка электроэнергии. Подачу электричества в городах нередко отключают на 6-10 часов в день, прибегая к т.н. веерным отключениям.

Дорожное строительство в стране давно обгоняет сооружение помещений. Это позволяет критикам социальной политики утверждать, что о машинах в Пакистане заботятся больше, чем о людях. Кроме того, пакистанские города растут по преимуществу вширь, а не вверх. Высотные многоэтажные дома почти не строятся даже в столичных городах. К тому же, застраиваются города, в основном, лишь жилыми домами, а для гармоничного развития нужно сооружение зданий для производственных и общественных нужд.

Стоит отметить, что городские органы власти стали, наконец, уделять некоторое внимание развитию общественного транспорта. Так, успешно запущен проект быстрого автобусного сообщения в Лахоре, планируется осуществить его в Исламабаде и Равалпинди. В Карачи запланировано сооружение внутригородской круговой железной дороги. Между тем, о строительстве метрополитена, по примеру индийских мегаполисов, речи пока нет.

Что касается жилищной проблемы, то государство могло бы приступить к введению потолка на владение землей в городской черте, выделению земли под низкобюджетное строительство и внесение назревших изменений во все законодатель-

ство о городской земельной собственности. Однако это встретит сопротивление влиятельных собственников городской недвижимости и мафиозных групп, а потому, замечают пакистанские эксперты, хватит ли на принятие таких мер политической воли, сказать трудно [12].

Оценивая перспективы урбанизации, нужно указать на характерный для нынешней ее агломерационной фазы неизбежный дальнейший рост скученности, плотности расселения. В Пакистане, в среднем, на комнату приходится, по последним подсчетам, 3,5 человека (при среднемировом стандарте - 1,1). В отдельном жилом помещении проживает 6 человек. Дефицит жилых помещений составляет 7 млн, т.е. проблема необеспеченного минимально приемлемым жильем существования затрагивает более 40 млн человек, около четверти населения, и, в первую очередь, она проявляется в городах [12].

Согласно предварительным данным переписи, проведенной в марте 2017 г., население Пакистана за 19 лет со времени предшествующей переписи 1998 г. выросло более чем в полтора раза (на 58%). Оно превысило 207 млн человек (без учета некоторых окраинных и спорных территорий). Темпы ежегодного прироста составили 2,4%, что является абсолютным рекордом для Азии. При этом число жителей 10 крупнейших городских центров возросло на 71%, а других городов и городской периферии - на 61%. Почти вдвое увеличилось и сельское население (48%). Доля городского населения оценивается опубликованными данными в 36,5%, что меньше, чем предполагалось, вследствие неправомерного отнесения многих чисто городских районов к сельским [13].

Если демографический рост продолжится, пусть и несколько снижающимся темпом, то, при тех же потоках внутренней миграции, число горожан в Пакистане через 10-12 лет превысит 100 млн человек, а удельный вес перешагнет за 40%. Вопрос в том, насколько решаемы будут при этих масштабах застарелые городские проблемы?

К факторам, осложняющим их решение, нужно прибавить грозящие Пакистану экологические бедствия, связанные с потеплением климата. Оно, в частности, может вызвать затопление низких мест в дельте Инда, где расположен Карачи. В печати отмечается, что крупнейший пакистанский город, как и городские центры, расположенные на берегах рек, оказываются неподготовленными к проливным дождям и наводнениям ввиду фактического отсутствия дренажной системы [14].

* * *

В завершение отметим, что Пакистан с точки зрения урбанизации являет собой ныне во многом исключительный пример, поскольку его выделяет исключительно быстрый демографический рост.

Однако численность горожан на планете в последние десятилетия в целом росла стремительно и, главным образом, за счет отстающих в развитии регионов. В 2010 г., согласно оценкам ООН, численность городских жителей в мире превысило численность сельских. К 2016 г. в городах проживало 4 млрд человек, или 55% от общей численности (7,2 млрд). На крупнейшие городские агломерации (свыше 10 млн человек) приходилось около 7%, а на все большие города (свыше полумиллиона человек) - 26% [15].

На этом фоне Пакистан предстает страной, где урбанизация охватила существенную, но меньшую, чем в среднем по планете, долю населения. При этом в ареале Южной Азии он занимает 1-е место, опережая, пусть и ненамного, Индию и Бангладеш.

В урбанизации всех плотнонаселенных государств региона сочетаются элементы модернизации и агломерации. В Индии более выраженными являются черты модернизации, хотя и там наблюдается скопление огромных масс людей в городах без качественного изменения условий их труда и быта и при осложняющейся экологической ситуации. В давно перенаселенной Бангладеш масштабы скученности и нищеты, скорее всего, значи-

тельнее, чем в Пакистане, но последний рискует в перспективе догнать свою бывшую Восточную провинцию* по неблагоприятным условиям жизни в городах.

Остается надеяться, что темпы усугубления городских проблем в Пакистане замедлятся. Интеллигенция страны давно уже бьет тревогу по поводу невнимания к ним властей. Нуждаются в решении и проблемы сельских регионов, и вся совокупность социально-экономических вопросов. Решить их без изменений в приоритетах государственных расходов, без отказа, в первую очередь, от чрезмерных трат на оборону будет очень трудно. Даже иностранные инвестиции, в частности, со стороны Китая, который готов, в своих интересах, вложить десятки миллиардов долларов в пакистанскую экономику, проложив т.н. экономический коридор от Синьцзяна через занимаемую Пакистаном часть Кашмира до Аравийского моря, не окажет решающего влияния без перемен в установках правящих элит и среднего городского класса.

* С 1947 по 1971 гг. Восточная Бенгалия (с 1971 г. - Народная Республика Бангладеш) входила в состав Пакистана (прим. авт.).

Список литературы / References

1. Manzoor H., Raza M. On death's door: trade unions in Pakistan - www.dawn.com, 06.05.2016 (accessed 13.09.2017)
2. Белокрыцкий В.Я. Пакистан: особенности и проблемы урбанизации. М., Наука, 1982, с. 60, 64. (Belokrenitsky V.Ya. 1982. Pakistan: Specific Features and Problems of Urbanization. M.) (In Russ.)
3. Kedir M., Schmidt E., Wakas A. Pakistan's Changing Demography: Urbanisation and Peri-Urban Transformation Over Time // USAID. Working Paper № 39, April 2016. Reprint, p.
4. О землесберегающем и трудосберегающем способах производства - см.: Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Сельское хозяйство: Восток vs Запад. Два технологических способа производства. М., ИВ РАН, 2017. (Rastyannikov V.G., Deryugina I.V. 2017. Agriculture: East vs West. Two Technological Modes of Production. M.) (In Russ.)
5. Social Development in Pakistan. Annual Report 2014-15. Karachi, Social Development and Policy Centre, 2015. Reprint, p. 141.
6. Zahra K., Mahmood A., Ullah S. Poverty and Inequality in Urban Punjab: A Case Study of Five Large Cities of Punjab (Pakistan) // International Journal of Economic Issues. Vol. 4, № 2 (July-December 2011), pp. 274, 276.
7. Roofi Y., Zulnoorain M. Globalization of Cities and Urban Conflict: A Case Study of Karachi // Pakistan Journal of History and Culture. Vol. XXXV, № 1 (2014), pp. 85-96.
8. Замараева Н.А. Армия и демократические институты в Пакистане (2015-2017) // Мусульманский мир на исторических рубежах России. М., ИВ РАН, 2017, с. 446-448. (Zamaraeva N.A. 2017. Army and democratic institutions in Pakistan (2015-2017) // Muslim World at the Historical Boundaries of Russia. M.) (In Russ.)
9. Чекризова О.П. Исламский радикализм и экстремизм в Пакистане в конце XX - начале XXI в. М., ИВ РАН, с. 74-137. (Chekrizova O.P. 2016. Islamic Radicalism and Extremism in Pakistan at the end of the XX - at the beginning of the XXI c. M.) (In Russ.)
10. Хайтцева М. Пакистан в начале XXI в.: семья, община, государство // Азия и Африка сегодня. 2017, № 10, с. 37-38. (Khaytseva M. 2017. Pakistan in the Beginning of the XXI c.: Family, Community, State // Aziya i Afrika segodnya. № 10) (In Russ.)
11. Pakistan government to establish urban planning and policy centre // Pakistan Observer, 4.11.2016 (accessed 13.09.2017)
12. Hasan A. Karachi's changing demography and its planning-related repercussions - tribune.com.pk, 08.02.2014 (accessed 14.09.2017)
13. Census results show 59.7 pc growth in Karachi's population, 116 pc in Lahore's since 1998 - www.dawn.com (accessed 28.08.2017)
14. Anwar N.H. Cities, climate change and Pakistan's extended urbanization // Dawn, September 23, 2017 - <https://www.dawn.com/news/1358905/> (accessed 23.09.2017)
15. Jatoo W.A.K., Chen J., Saengkrod W., Mastoi A.G. Urbanization in Pakistan. Challenges and Way Forward (Options) For Sustainable Urban Development // 4th International Conference on Energy, Environment and Sustainable Development 2016. Reprint, pp. 2-5.